

Глава 11. Осознание.

7 июля 1995. Где-то на юге Франции

Крошечный костерок, скрытый в аккуратно вырытой Взрывным заклятием ямке, тихонько потрескивал, рассыпая вокруг вздымающиеся в потоке теплого воздуха искры. Запах смолы смешивался с неповторимым ароматом ночного леса. Рядом с костром в землю были воткнуты несколько стальных прутков с нанизанными на них колбасками, — я честно пытался воспроизвести наставления, данные мне одним из домовиков Делакуров, поскольку Дурсли ни разу не брали меня на пикники. Чтобы не опозориться, на всякий случай утром перед отъездом я тихо расспросил старейшину домовиков Тибби о том, как их жарить. Домовик с укором посмотрел на меня, похмыкал, что не дело хозяевам марать свои руки готовкой, но все же рассказал.

— Пахнет неплохо, — рядом со мной на ствол поваленного давней непогодой дерева присела Флёр, демонстративно принюхиваясь к аромату еды.

— Да ладно тебе — эти колбаски были бы съедобны и без всякой жарки, просто... Просто мне захотелось попробовать их поджарить. — Я пожал плечами.

Флёр, будто замороженная танцем огненных языков, смотрела на пламя. Отсветы костра падали на ее лицо, придавая облику девушки совершенно невероятную тайну и притягательность.

Мы сидели молча, только изредка я бросал на девушку взгляд, стараясь делать это украдкой и не любоваться ей слишком уж откровенно. Но в голову, помимо обычных мыслей подростка, неожиданно оказавшегося вдвоём с красивой девушкой в лесу, приходили и совсем другие размышления.

Я до сих пор не мог понять, как Жан-Клод отпустил девушку со мной вдвоем в этот лес, ведь в аристократических семьях подобное щекотливое, если не сказать — компрометирующее — событие могло поставить крест на репутации Флёр. Невольно в голову приходили мысли о том, какую же, в действительности, выгоду мог извлекать из нашего с ним сотрудничества господин Делакур-старший, не зря в свое время упомянувший о том, что Поттеры были и остаются знатным и обеспеченным родом. Опять же, Жан-Клод из первых рук, от своего лучшего друга и моего партнера, знал о состоянии счетов рода Поттеров, так что и в этом смысле мог оценить предполагаемого жениха своей дочери. Хотя... это путешествие вполне тянуло на недвусмысленный намек о намерениях моего союзника, благо после месяца, в течение которого в мою голову вдалбливали тонкости этикета, я уже мог оценить изящность и эффективность такого хода политика.

Странные мысли для четырнадцатилетнего подростка, которому через пару недель исполнится пятнадцать... Но после визита в замок Цимуса, во мне что-то изменилось. Я не получил от крестража ни знания новых могучих заклинаний, ни какой-то колдовской силы, свойственной Вольдеморту, а всего лишь стал чуть глубже смотреть на происходящее. И теперь новообетенная интуиция шептала мне, что Жан-Клод ничего в своей жизни не делает просто так, а значит, — политик просчитал весь возможный вред для репутации Флёр и сделал какие-то выводы, организовав нам разрешение посетить заповедник единорогов.

Впрочем, в этом лесу даже моя новая интуиция пасовала перед тем, что мы с Флёр проведем ночь в одной палатке, хотя, в глубине души, возможное развитие ситуации меня слегка страшило — ведь я не слишком много знал о происходящем между парнем и девушкой в таком

деле. Редкие журналы, «для взрослых магов», попадавшие к нам от старшекурсников, не могли дать достаточной информации, как и увиденные пару раз эпизоды из просматриваемых братцем фильмов. Флёр же, явно уже не раз встречавшаяся с парнями, вряд ли обратит на меня внимание в этом смысле, хотя наш первый поцелуй внушал некие надежды. Этот поцелуй теперь снился мне каждую ночь...

— Все же, почему ты решила поехать со мной в заповедник? — Я легонько прикоснулся к плечу девушки.

— Ну а как бы ты ловил единорога — вам должны были рассказывать, что ни к кому, кроме девушек, единорог не будет приближаться. — Что-то такое я слышал на уроках Хагрида, но никакой ассоциации не всплыло.

— Ну и потом, вряд ли я в ближайшие годы смогу встретить живого единорога... и побывать на таком романтическом вечере у костра с будущим победителем Темного лорда. — Девушка улыбнулась, показывая, что говорит в шутку.

Наконец прожарившиеся до слабой хрустящей корочки колбаски были с предвкушением сняты с огня, и мы смогли поужинать, заедая сочное горячее мясо захваченным с собой хлебом. Впрочем, разной еды было довольно много — домовые эльфы Делакуров собрали нам солидную корзину, которой нам хватило бы на пару дней, так что даже если бы я сжег колбаски на костре — чего слегка опасался — то ничего фатального бы не произошло.

Вытащив из корзины бутылку, я с легким удивлением понял, что эльфы положили нам не только сок, но и легкое вино, изумительно дополнившее картину романтического вечера.

— Флёр? — Я в некотором сомнении показал ей в одной руке бутылку вина, в другой — закупоренный кувшинчик с соком. Девушка, секунду подумав, кивнула в сторону вина. Открыв очередной сверток, я извлек из него обложенные ватой бокалы, подивившись странной логике эльфов.

Хрустальный перезвон столкнувшихся бокалов казался чуждым в ночном лесу, освещенном только неярким пламенем костра. Порадовавшись, что вино некрепкое, я отпил немного праной жидкости, жаркой волной прокатившейся по пищеводу.

— Скоро должны появиться единороги, надеюсь, палатка возле тропы их не отпугнет. — Флёр потянулась, приковав все мое внимание к приподнявшейся от этого движения высокой груди.

— Надеюсь, вейлы ладят с единорогами лучше, чем люди, — мне-то в любом случае тут ничего не светит. Вряд ли они подойдут к парню, тем более — человеку.

Было странно вот так вот сидеть с Флёр вдвоем у костра, когда вокруг больше нет ни единого человека на много миль — чары дублирования пространства еще в далеком прошлом скрыли этот кусок леса от посторонних глаз. Невзирая на сказанное Сириусом, на все мои предположения о планах Делакура, при виде девушки внутри становилось теплее. Нежный голос француженки хотелось слушать снова и снова, иногда я на мгновение терял нить разговора, просто вслушиваясь в ее смех.

Наконец амулет в виде прозрачной капли, висевший на шее девушки, засветился, показывая, что единороги близко. Мы осторожно встали с места, и я впервые почувствовал, как Флёр пользуется своей врожденной магией вейлы на полную мощь. Словно мягкий удар в сознание, заставляющий видеть только одну-единственную девушку в целом мире. Страшно представить, как действовало бы это притяжение, не обладай я хорошей сопротивляемостью

вейловской магии, — наверное, вместо меня оказался бы сейчас слюнявый идиот.

Девушка, легко вскочив на ноги, танцующими шагами направилась в сторону тропы, возле которой мы и разбили палатку, надеясь на встречу с единорогами. Дав ей отойти на десяток шагов вперед, я осторожно пошел следом, достав палочку из нарукавных ножен.

В следующее мгновение я мог наслаждаться зрелищем, какого никогда не видел, и не забуду даже через пару столетий. В окружении вековых замшелых деревьев, подсвеченных только бледным сиянием неполной луны, стоял прекрасный белый единорог, гладкая шерсть которого и рог переливались многоцветными искрами. За шею его обнимала девушка, которую не смогли бы затмить никакие признанные королевы красоты далекого Хогвартса. Прижавшаяся лицом к морде единорога Флёр тихонько нашептывала что-то на ухо волшебному зверю, будто бы успокаивая. Зверь фыркнул и чуть отстранившись, ткнулся носом в плечо Флёр.

Медленно развернувшись, француженка поманила меня рукой. Я еще осторожнее пошел к ним, зачарованный и почти не обращающий внимания на окружающее. Единорог запрядал ушами, но ласковое поглаживание девушки успокоило его. Остановившись напротив зверя, я позволил ему обнюхать себя, протягивая принесенное с собой со стоянки яблоко. Схрустевший угощение, словно обычная лошадь, волшебный зверь посмотрел на меня с несколько большей благосклонностью. Пришлось с помощью манящих чар притягивать к себе из лагеря еще пару штук, тут же захрустевших под крепкими белыми зубами.

Флёр тихо подсказала, чтобы я попытался наладить с единорогом мысленный контакт, благо эти волшебные звери, в отличие от многих, были очень разумными. Другой вопрос, что мало кто из магов вообще пытался устанавливать с ними контакт — обычно единорогов попросту разводили ради используемой в алхимических зельях крови, но такие звери, выращиваемые в неволе, не отличались и половиной магии своих диких собратьев.

Медленно-медленно я потянулся мыслями к волшебному зверю, находясь в своеобразном медитативном трансе. Единорог взмахнул хвостом и осторожно лизнул протянутую к нему руку. Я постарался передать ему свои эмоции: восхищение стоявшим с лунных лучах могучим зверем, нереальную красоту прижавшейся к его боку девушки, сожаление о том, что мне нужно немного крови благородного животного, обещание отсутствия боли и многое другое, что невозможно было передать вслух.

Тяжело вздохнув мне в лицо, единорог осторожно вытянул одну ногу, украшенную на конце изящным тускло светящимся копытом, в моем направлении. Флёр достала из висевшего на поясе мешочка фиал для крови и стеклянную воронку с наложенными на них мощными очищающими чарами, которые нам дал Делакур-старший из своей алхимической лаборатории.

Направив палочку на ногу зверя, я скороговоркой начал выплетать заклинания, последовательность которых разучил заранее.

Взмахнув палочкой, уколоть место предполагаемого надреза, сконцентрироваться, произнося формулу обезболивающего заклинания, самого сильного из пока доступных мне.

Новый взмах, широкая петля — место будущего надреза очищено от малейшей грязи.

Резкий укол — заклинание иглы, используемое в аврорском ремесле как довольно сильно травмирующее, но в этом случае предельно ослабленное, так что тонкий пучок магии всего лишь проколол мягкую шкуру и сосуд, на расположение которого указала пальцем Флёр.

Серебряная кровь тонкой струйкой потекла в подставленную воронку, постепенно заполняя

флаконе в моей руке. Единорог, внимательно смотревший на всю эту процедуру, дернул ухом и фыркнул.

Как только флакон оказался наполнен до краев, я тут же убрал его, подставляя еще одну, совсем маленькую пробирку под струйку сверкающей крови. В следующее мгновение палочка уже выплетала исцеляющее заклинание, а Флёр закрывала и осторожно убирала обратно в мешочек флакон, тускло светящийся изнутри.

Снова заклинание очистки, убравшее с лоснящейся шкуры малейшие следы крови. Новый взмах — на свежий шрам, который постепенно исчезнет, ложатся магические бинты, способные провисеть заданное время, а потом бесследно раствориться в пространстве.

Убрав пробирку в чехол на поясе, я обнял зверя за умную морду, стараясь поделиться с ним своей благодарностью, собравшаяся внутри меня магия рванулась через тактильный контакт в тело единорога, поглощаемая им, словно вода в период засухи. Наконец, почувствовав, что больше магии пропустить сквозь себя попросту не могу, я отошел в сторону. Флёр осталась стоять рядом с единорогом, запуская руки в мягкую шерсть. В свете лунных лучей девушка, обнимающая единорога, казалась воплощением какой-то древней тайны. И тут в моём мозгу, оглушенном этой картиной, будто вспыхнула молния: я вспомнил рассказ Хагрида о том, кто может приближаться к единорогу. Только девушка, еще не ставшая женщиной, и никогда не знавшая мужчины, может находиться рядом с волшебным существом. Тотчас же для меня стали понятны и смущение Флёр после поцелуя, и её покрасневшие щеки, когда она обняла меня в библиотеке.

Достав пробирку из чехла, я осторожно отпил половину все так же ярко сверкавшего содержимого. Станный вкус мгновенно растворившейся во рту жидкости был неопишем обычным языком, точнее, в человеческой речи попросту не было ничего общего со вкусом и действием добровольно отданной крови дикого единорога. Меня изнутри как будто окатило жидким огнем, а потом сердце застучало быстрее и ровнее, я почувствовал себя обновленным, рожденным заново.

Коснувшись плеча Флёр, я протянул ей пробирку, наполовину полную кровью единорога. Девушка опустошила сосуд, а потом замерла, прислушиваясь к новым для себя ощущениям, став, хотя это и казалось невозможным, еще более красивой. Бурлившая теперь в жилах магия волшебной крови позволила нам невольно на пару мгновений объединить мысли и чувства друг друга, и теперь мы, пораженные, стояли рядом, пытаясь обуздать всколыхнувшиеся эмоции. Флёр, явно понявшая смысл моего недавнего озарения, чуть покраснела, я же стоял, как ударенный молнией, — в душе девушки было столько тепла, направленного на меня...

Единорог, ткнувшись напоследок Флёр в живот, тихонько ушел, а мы вернулись в лагерь, погруженные в свои мысли и чувства.

Дальше я не помнил, кто из нас первым потянулся к другому, — в памяти осталась только всепоглощающая нежность, пока я покрывал поцелуями лицо прижавшейся ко мне Флёр, её сбивчивый шёпот, руки, стискивающие мои плечи, как спасательный круг. Девушка, измученная реакцией большинства волшебников на ее внешность и привлекательность, раскрывалась мне с совершенно незнакомой стороны. Потом она, не скрываясь, плакала, выбрасывая из себя скопившуюся за многие годы боль, и я губами собирал слезинки с ее щек, шептал ей что-то ласковое, пока моя любимая — а я это понял с ужаснувшей меня самой полнотой — не успокоилась, устроившись у меня на коленях.

8 июля 1995 года. Особняк Блеков.

Члены Ордена Феникса, собравшиеся в доме Сириуса Блека, недоуменно обсуждали изменения, произошедшие с ранее гостеприимным хозяином дома, неожиданно обновившим заклинание Фиделиуса на особняке, а также включившим внутреннюю защиту строения на максимальную мощность. Поражал также и резко отличавшийся от привычного внешний вид хозяина — Блек щеголял в черном камзоле, на шитом серебром широком поясе висел кожаный чехол с волшебной палочкой, пальцы украшал родовой перстень Блеков — хотя и не перстень Главы Рода, как опознал Артур Уизли, не понаслышке, несмотря на статус предателей крови, знакомый с родовыми традициями аристократов.

Наземникус Флетчер, пришедший на собрание Ордена самым последним, тихо постанывал, баюкая обожженную руку. После того, как воришка попытался незаметно положить в карман золотую вилку со стола, вилка вспыхнула у него в руках, оставив немаленькие ожоги, а Сириус Блек, холодно глядя на всех собравшихся, заявил, что не потерпит воровства в своем доме. Сильно присмиривший от такой отповеди мошенник сидел, демонстративно убрал руки от всего мало-мальски ценного на столе, удовольствовавшись стаканом чая, доставленного новыми домовиками Блека.

Шепотки и тихое обсуждение изменившегося Сириуса стихли, как только в гостиную вошли идущие рядом хозяин дома и Дамблдор, судя по обрывку разговора, пытающийся убедить мага ослабить внутреннюю защиту.

— Нет, директор, до тех пор, пока в доме появляются ненадежные люди, вроде Флетчера, я не собираюсь уступать. И нет, я не дам свободного доступа в дом никому — каждое собрание Ордена допуск будет выдаваться заново. Я не собираюсь разделить судьбу Поттеров, понадеявшихся только на ВАШ Фиделиус и на ВАШЕ, директор, обещание защиты. — Последние слова Сириус буквально прорычал.

— Впрочем, мне странно, что вы не понимаете моей позиции, директор. — Продолжил Сириус, обуздав свой нрав. — Чем меньше людей допущены к защите дома — тем меньше шансов, что однажды он будет захвачен Вольдемортом, а надежная база Ордену нужна. — Многие вздрогнули от этого имени.

— Мальчик мой, к сожалению, ты прав. — Дамблдор, впервые за все время существования ордена, лишился места во главе стола, поскольку это место было занято хозяином дома, так что недоуменно поерзавший на стуле директор оказался в очень непривычном для него положении гостя.

— Дамблдор, я уважаю вас как лидера Ордена Феникса и как сильного волшебника, но не потерплю от человека, без суда засадившего меня на многие годы в Азкабан, подобного обращения. — Сириус произнес эти слова спокойно, но видно было, что внутри он в ярости.

— Сириус, не смей так говорить о Дамблдоре! — Молли Уизли вскочила с места, похожая на взъерошенную наседку.

— А что? Я сказал что-то ошибочное? В Азкабан я отправился без допроса, без применения Сыворотки правды, без легилимента Министерства магии. И глава английского Визенгамота спокойно закрыл на это глаза. Так что сядь, Молли, и не говори о том, чего не знаешь. — Рывкнул Сириус, сверкнув глазами.

— Как всегда неблагодарный Блек забывает о том, благодаря кому он еще жив и находится в этом доме. — Язвительный голос Снейпа разорвал стянувшееся напряжение.

— Да будет тебе известно, Снейп, — по Сириусу было видно, что в мыслях он использовал куда

более обидное прозвище, — что я нахожусь в своем доме, защищенном родовой магией Блеков, и я не обязан никому за свой побег. Единственный человек, который действительно помог мне — это защитивший меня от толпы дементоров третьекурсник Гарри Поттер. Так что придержи свой язык, пока это не сделал за тебя я.

— Успокойтесь! — Властный голос главы Ордена Феникса остановил спорщиков. Впрочем, по Сириусу и Снейпу было видно, что они мирятся друг с другом только ради дела.

— У нас на повестке сегодня несколько вопросов... — Дамблдор осмотрел всех добрым взглядом поверх очков-половинок. — Северус, что происходит у Темного лорда?

— Полная тишина, Он собирает силы и союзников, ищет подход к старой аристократии, оставшейся в стороне во время Первой войны, — Снейп до сих пор не сообщил директору о том, что Лорд на самом деле находится в подземельях Малfoy-менора, а все действия по восстановлению старых и установлению новых связей предпринимаются Ближним Кругом без непосредственного руководства Лорда.

— А что насчет Гарри Поттера, мой мальчик?

— Поттер точно не у Лорда, иначе бы уже давно была устроена показательная казнь. — Снейп пожал плечами. — Но все равно не понимаю, зачем вам этот беспомощный и необученный ничему мальчишка, невесть почему превозносимый как Избранный.

— Зато он уже встречался лицом к лицу с Вольдемортом, и не намочил при этом штаны, — рыкнул Сириус. — В отличие от большинства присутствующих здесь сильных волшебников. У нас сейчас прекрасная возможность — мы знаем большинство оставшихся на свободе членов Внутреннего круга Вольдеморта. Так давайте возьмем любого из них, под Сывороткой вытащим расположение ставки Лорда!

— Сириус, но у нас же нет никаких доказательств! Аристократы поднимут такой вой в приемной министра, что нас всех просто закопают! — Дедалус подскочил на месте.

— Так вот потом вы дождетесь, что эти же аристократы при молчаливой поддержке Министра, купленного с потрохами Малфоями, захватят власть. А вы будете сидеть и дальше рассуждать о законах. В Первую Войну никакой закон не помешал им пытаться и убивать отказавшихся от службы Лорду волшебников.

— И что ты предлагаешь? — Аластор Грюм с интересом посмотрел на бывшего заключенного.

— Скорее всего, Лорд вернется к тактике террора, его Упивающиеся будут громить дома маглорожденных и нечистокровных волшебников. И необходимо ответить им тем же самым, чтобы каждый Упивающийся знал, что легко может поймать Аваду в собственном доме.

— Кровавые демоны! Мне нравится твоя мысль, Блек! — Экс-аврор хрипло расхохотался, показывая крепкие, несмотря на возраст, белые зубы. — Мы бы смогли заставить их бояться.

— Но так мы уподобимся им самим, Сириус, мы не можем брать на себя функции законной власти. Максимум, что мы должны сделать — задержать взятых с поличным нападавших и доставить их на суд в Министерство!

— Интересно получается, — откровенно передернуло от отвращения Грюма. — Значит очередной сдуревший сопляк-слуга этого Лорда, сможет кинуть в меня Аваду, а я его должен буду только задержать? — Аластор многозначительно посмотрел здоровым глазом на Блека, и

они одновременно кивнули друг другу.

— Я не потерплю произвол в Ордене! Мы не убийцы. — Директор тоже повысил голос.

— Сириус, что у тебя насчет оставшихся нейтральными семейств?

— Риманы, Джонсы и Кармайклы согласны оказать помощь. Но они будут сотрудничать только при моем посредничестве, после тех указов, ограничивающих законы о чистоте крови, которые вы провели при поддержке Фаджа, с вами напрямую они говорить не станут никогда. Они считают, что эти законы были приняты не разбирающимися в родовой магии людьми, и поэтому будут работать только с представителем старой аристократии.

Дамблдор, явно надеявшийся на большее, покивал головой, и задал следующий вопрос, думая о том, что теперь быстро убрать оказавшегося незаменимым Сириуса не получится.

— И в чем они готовы помочь, маль... — тут директор осекся, поймав яростный блеск глаз аристократа. — Сириус?

— Деньги, поддержка в случае нападения на сторонников Темного лорда. Защищать дома маглорожденных они не станут.

— Есть ли какие-то вести о Гарри? — директор буквально впился глазами в Блека, думая, что уж крестному-то чертов сбежавший мальчишка наверняка сообщит о себе при возможности.

И Блек неожиданно оправдал его ожидания.

— Я получил письмо с совой.

Дамблдор, засверкавший глазами, попытался незаметно прочитать мысли Сириуса, но наткнулся на мощный блок. Выпотрошить память аристократа в родовом особняке оказалось не так-то просто.

— Гарри написал, что находится в безопасности, и устроил себе каникулы в Америке. Он пишет, что не собирается возвращаться в школу в этом году. — Блек поморщился, не одобряя решение крестника. — По крайней мере, до тех пор, пока «не возместит себе все побои за одиннадцать лет от Дурслей, куда его отправил директор».

Сириус пристально посмотрел на опешившего от такого известия Дамблдора.

— Директор, вы не хотите ничего объяснить мне и вашим соратникам? Почему моего крестника били какие-то маглы?

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848522>